

Анна Кречетова

Портрет В. И. Даля.
Художник В.Г. Перов.
1872 год

«Жизнь прожить, что море переплыть»

В этом году в России отмечается юбилей со дня рождения Владимира Ивановича Даля (1801—1872). Автор «Толкового словаря живого великорусского языка», писатель, этнограф, врач, один из основателей «Русского географического общества», первый российский востоковед и тюрколог – и все это один и тот же человек... Известно высказывание Владимира Ивановича Даля о том, что человек принадлежит той нации, на языке которой он думает. «Я думаю по-русски», – говорил он. В заголовок статьи вынесена одна из пословиц, записанных В. И. Далем.

№ 114 от 11/93
Горьковский архив
Литературный фонд
ул. П. Горького

Свиртб.

Возвышение отлогое,
особенно замечательное среди
обширных равнин.

М. Водородный, водородный, то
гравитация. В. даун

«Бедовик»

Есть у Владимира Ивановича Даля среди огромного его литературного наследия повесть под названием «Бедовик». Она увидела свет в самом первом номере журнала А. А. Краевского «Отечественные записки»¹, — и уже сама по себе предвосхищала начало новой эры в литературе, — приближая наступление, без преувеличения, судьбоносной для русской словесности эпохи «натуральной школы».

В повести Даля речь идет о чиновнике небольшого ранга, милом молодом человеке, хорошо воспитанном и домашнем, Евсее Лирове. Несмотря на то, что Евсей Стахеевич является личностью глубоко симпатичной, открытой и честной, в жизни он все время сталкивается с несчастьями — иными словами с невезением. Сразу скажем — Даля в жизни тоже нередко преследовали невзгоды и неудачи. И в то же время — почти все, за что бы он ни брался, — утверждалось, без преувеличения, на века, оставляя неизгладимый ясный след в истории отечественной и мировой культуры.

Вот такой парадокс, хотя в принципе — ничуть не странный. Ведь мы понимаем, что нередко сам творец замечательных созданий при жизни не получает признания, оставляя потомкам чувство недоумения — почему современники не смогли оценить его труды по достоинству. Но, вместе с тем, что еще поражает нас сегодня в биографии Даля — его работоспособность. Не она ли и помога-

¹ «Отечественные записки», № 1, 1839.

ла этому яркому деятелю российской культуры не замечать бед и неудач — и, несмотря ни на что, всегда идти вперед — *per aspera ad astra*...

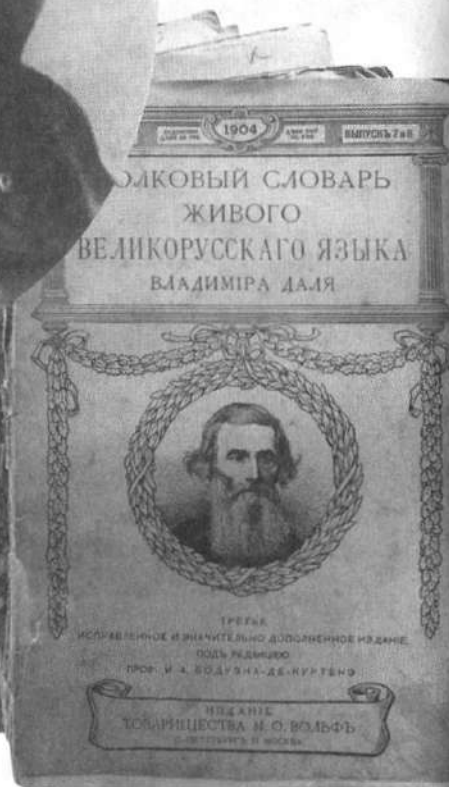
Окончив Петербургский кадетский корпус в звании мичмана, Владимир Иванович Даль недолго оставался в морской службе. Во время пребывания его в Николаеве некто неизвестный стал распространять сатирические стихи на молодую особу, которую одарил своим расположением адмирал А. С. Грейг.

Хотя вероятность принадлежности Далию этих стихов на самом деле очень велика, все-таки не вполне доказано, что автором был именно он (сам Владимир Иванович за собой вины так и не признал). А вот наказали именно его — из мичманов Даль был разжалован в матросы (хотя вскоре, в том же году, после поданного прошения офицерское звание было ему возвращено). Таким образом, в связи с этой историей В. И. Даль оказался под судом — и даже под арестом — с сентября 1823 по апрель 1824 года. Отметим, что это как раз годы южной ссылки Пушкина — который находился с июля 1823 года совсем рядом от Николаева — в Одессе. Существует ли между этими событиями какая-либо связь? Ведь Даль, говоря впоследствии о той эпохе, о Пушкине почти не упоминал. Более того, он отмечал в автобиографических заметках, что «Пушкин еще не был». Но если мы задумаемся, что уже в эту пору Владимир Иванович слыл в Николаеве «сочинителем»², и что, более того, еще в кадетском корпусе он писал стихи... И если при этом мы добавим, что в это время в дружеский круг Владимира Ивановича входила, например, Анна Петровна Зонтаг — близкая родственница Жуковского³ (который деятельно хлопотал за опального автора «Руслана

² В частности, к 1821 году относится его комедия «Невеста в мешке, или Билет в Казань», показанная, как предполагают исследователи (В. И. Порудоминский), на любительской сцене (здесь и далее — прим. автора).

³ Его сестра по отцу.

Владимир
Даль
в молодости

и Людмилы») — то пожалуй, некоторые выводы сделать можно...⁴

Эта история, занесенная в послужной формуляр будущего автора «Словаря», отраженная в «Морском сборнике», несмотря на огромное трудолюбие Даля и заступничество его друзей, как мы понимаем, конечно, мешала его продвижению и карьере. Неудивительно, что вскоре новоиспеченный лейтенант оставляет морскую службу — и начинает искать новый путь в жизни...

«Остер, умен, красноречив...»

Знакомясь с биографией Владимира Даля, часто так и хочется применить к нему слова о Чацком из «Горя от ума»:

*«Остер, умен, красноречив,
В друзьях особенно счастлив...»*

⁴ В. И. Порудоминский (1928—2026), не говоря об этих «совпадениях» биографий Даля и Пушкина прямо, вместе с тем весьма прозрачно намекает, что они могут быть совсем не случайны.

В друзьях Даль, действительно, был очень счастлив. Так, старшекурсники Морского кадетского корпуса совершали учебное плавание по Балтике — благодаря чему Даль впервые оказался на родине своих датских предков в Копенгагене, — и там в составе экипажа брига «Феникс» он даже побывал на обеде у королевских особ. Среди двенадцати гардемарин на этом корабле был, помимо Даля, Павел Нахимов — будущий адмирал, впоследствии герой Крымской войны. А кураторство над кадетами-старшекурсниками осуществлял на бриге сам князь П. А. Ширинский-Шихматов — литератор и поэт, впоследствии (в 1849—1853 годах) министр народного просвещения...

Анна Зонтаг — позднее переводчица и автор сказок для детей — перед отъездом Владимира Ивановича (он был

отправлен служить на Балтику) написала рекомендательное письмо к своей сестре А. П. Елагиной-Киреевской (матушке Ивана и Петра Киреевских). И вот так, познакомься с Авдотьей Петровной, другой племянницей Василия Андреевича Жуковского, он оказался связан со славянофилами на долгие годы. Оказавшись в Москве, Даль сразу входит в круг Жуковского, именно здесь завязывается его дружба и с другими деятелями российской литературы.

В это время молодой офицер уже понимает, что морская карьера не для него, — во время плаваний он жестоко страдал от морской болезни, — и решает учиться на врача. Теперь он — как старший сын — после смерти отца становится главной опорой семьи. Владимир Иванович едет в Дерпт, где блестяще оканчивает курс в университете⁵, сдав экзамены экстерном, уже в начале русско-турецкой войны 1828—1829 годов. В Дерпте круг его знакомых и друзей — это поэт Н. М. Языков, профессор И. Ф. Мойер, русскую словесность в университете читает А. Ф. Воейков — и там же учится в то время будущий знаменитый хирург Николай Иванович Пирогов.

Николай Иванович впоследствии вспоминал о Дале как о студенте, обладавшем «счастливым» характером, несомненным чувством юмора, даром комизма и умением точно передавать голос и манеры другого человека. Пирогов, кроме того, ценил уровень знаний Владимира Ивановича: по его словам, «за что ни брался Даль, все ему удавалось усвоить».

Из Дерпта молодой врач отправился прямо на передовую, где в полевых условиях провел сотни хирургических операций. И там он иногда приходил буквально в отчаяние от сознания невозможности не только оказать всем раненым медицинскую помощь, но хотя бы даже дать всем нуждающимся необходимое количество горячей пищи и воды...

⁵ Ныне Тартуский университет, Эстония.

*Расставшись с флотом,
Даль выучился на врача*

Даль — медик

В качестве военного врача В. И. Даль участвовал и в событиях, связанных с подавлением польского восстания 1830 года.

При переходе через Вислу большому отряду российских войск угрожала опасность быть отрезанными и уничтоженными противником. Даль предложил устроить по его указаниям понтонный мост — и поскольку инженеров не было, командующий согласился. По этой быстро сооруженной переправе отряду удалось перейти на другой берег, — сам же молодой врач разрушил мост перед неприятелем. Но начальство сделало ему взыскание — поскольку на другом берегу находился госпиталь с ранеными, оставленными «на благородство противника». Между тем Николай I, рассмотрев дело, распорядился наградить молодого доктора орденом Святого Владимира 4-й степени.

По окончании боевых действий Даль едет в Петербург, где служит в военном сухопутном госпитале, а также занимается врачебной практикой, в частности, проводя множество успешных операций по удалению катаракты.

Здесь, в столице, Даль по-прежнему сохраняет дружеские и творческие связи с кругом литераторов, ближе других общаясь с Александром Фомичем Вельманом — также человеком весь-

ма разносторонним⁶. Помимо увлечения литературой, их объединял интерес к старинным славянским и древнерусским текстам и преданиям, а также ко всему сказочному и фантастическому, что имеет своим истоком исконные народные верования.

В это время появляются сведения о новой науке — гомеопатии. Владимир Иванович, — поначалу ее противник, — прислушивается к мнению одного из друзей, писателя Антония Погорельского (А. А. Перовского), который убеждает молодого врача в перспективности этого нового направления. Даль пишет ряд статей о важности гомеопатии, но врачебное сообщество принимает их в штыки. Кроме того, он не всегда успеваешь сдать медицинские отчеты, — пытаясь приблизить срок их получения начальством к достоверным данным. Врачебная практика оказывается с этого времени для него практически невозможной. Так судьба Даля делает еще один крутой поворот...

Называя характерные черты «натуральной школы» и говоря о ее влиянии на развитие в России собственно натурализма, нельзя не вспомнить, что литераторы, принадлежавшие к этому направлению, именно в медицине искали методы исследования, — если не лечения, — общественных язв. Вспомним Николая Успенского, обучавшегося в Медико-хирургической академии, вспомним А. П. Чехова — доктора и прилежного естествоиспытателя, — и нам совсем не покажется странным, что у самых истоков этого художественного направления стоит, среди прочих, также врач — Владимир Иванович Даль...

Путь литератора

Уже в 1810—1820-е годы Даль пробует себя как писатель и поэт. В 1827 году А. Ф. Воейков в журнале «Славянин» впервые опубликовал его стихи. Первые произведения молодого автора остались почти незамеченными — не-

смотря на это, Даль не опускал рук, — и так постепенно литература стала важнейшим делом его жизни... В 1830 году в журнале Н. А. Полевого «Московский телеграф» был напечатан его первый рассказ «Цыганка». Произведение одобрили критики.

К тому времени будущий автор знаменитого «Словаря» уже не один год собирает русские областные, диалектные речения, народные сказки, пословицы и поговорки. Еще во время турецкого похода для его этнографических записок потребовался целый верблюд. Согласно воспоминаниям Мельникова-Печерского, недалеко от Адрианополя этот верблюд пропал, что буквально опустошило Даля — исчезло самое ценное для него, — тогда как, например, об одежде, вспоминал Мельников, никто сильно не беспокоился. Верблюд был найден казаками, дело Даля спасено, материалы для будущего словаря избежали «турецкого пленения».

И вот в начале 1830-х годов В. И. Даль решает выступить с публикацией собранных сказок. Они выходят под названием «Русские сказки из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные Казаком Владимиром Луганским. Пяток первый» (1832). Как пишет П. И. Мельников-Печерский, шли разговоры о том, что Даль мог бы прийти на место Воейкова в Дерпте, — но, поскольку он не оканчивал курса русской словесности, его ученым трудом могли бы стать собранные уже к этому времени значительные фольклорные материалы — и, в частности, сказки. Но судьба распорядилась иначе. Сказки были встречены в печати холодно, — как пишет Мельников, Булгарин «в заботе о приличиях сам нарушил границы приличия», дав отрицательный отзыв о произведениях. И вскоре после выхода книги ее автор был арестован на сутки. Правда, потом, после ходатайств Жуковского и ректора Дерптского университета Паррота перед императором, молодому этнографу были принесены извинения — и тем

⁶ А. Ф. Вельтман известен как поэт, писатель, археолог и лингвист.

не менее о кафедре Далю пришлось забыть...

Одобрительный отзыв о сказках прислал ему Пушкин. Он посвятил Далю и свою знаменитую «Золотую рыбку». Заметим, что и пушкинская сказка о «Золотом петушке» несет на себе явные следы влияния далевских, — в частности, имя царя оказывается почти идентично имени «Дадон» в «Сказке об Иване молодом сержанте...» Казака Луганского (из «Пятка первого»).

Даль и Пушкин

А в это время судьба Даля снова круто изменилась — по протекции Алексея Перовского он был назначен чиновником особых поручений к его брату, губернатору Оренбургского края.

В Оренбуржье он активно собирает местный фольклор, в частности, сказки и легенды тюркоязычных народов. Появляются такие произведения, как «Бикей и Мауляна», «Майна», «Башкирская русалка»...

Здесь, в Оренбургских степях, Даль сопровождает Пушкина в путешествии по пугачевским местам, в частности, они вместе едут в Уральск, и по дороге Пушкин рассказывает Далю сюжет будущей сказки «О Георгии Храбром и о волке».

А в конце 1836 года Даль с В. А. Перовским приезжают по делам в Петербург, где вскоре и узнают о роковой дуэли. Как мы знаем, Даль дежурит у постели умирающего Пушкина несколько суток. Чуда не происходит, поэт умирает. Впоследствии Даль опубликовал записки о последних днях и часах поэта. Отчасти благодаря им широкая общественность узнает о тяжести ранения Пушкина — помимо ранения брюшной полости, у него была раздроблена пулей крестцовая кость, — и мы понимаем, что надежды на благополучный исход в то время в принципе уже не было.

По воспоминаниям Владимира Ивановича Даля, Пушкин стойко переносил мучительную боль и старался не стонать, чтоб не тревожить родных. Между тем страдания его были так велики, что он ждал смерти как избав-

ления от них... В одну из минут облегчения болей, очнувшись от забытья, он сказал Далю: «А знаешь, мне сейчас привиделось, будто мы идем с тобой куда-то по этим книжным полкам вверх, всё дальше и дальше...»

После смерти поэта Даль пишет стихотворение «Не стыдно ль вам!» — тематически близкое к известному лермонтовскому. Он переслал произведение А. А. Краевскому (в то время техническому редактору «Современника»), но стихи опубликованы не были.

Краевский же, после смерти Воейкова, через два года начинает издание «Отечественных записок» — и Даль становится деятельным сотрудником этого журнала, пролагая путь новому поколению литераторов 1850—1870-х годов.

Словарь живого языка

Во время пребывания в Оренбуржье Владимир Иванович продолжал активно работать как этнограф, он изучал и знал казахский, татарский, башкирский языки. Помимо прочего, им был создан в Оренбурге Зоологический музей. Говоря об этой эпохе жизни Даля, следует отметить его участие в Хивинском походе 1839—1840 годов, о котором он оставил подробные записки. Как известно, поход окончился неудачно, в частности, в морозной степи замерзли все те несколько тысяч верблюдов, которые были у российского отряда...

Вскоре Даль оставляет службу у В. А. Перовского и по его протекции переходит в Министерство уделов. Несколько лет он живет в Нижнем Новгороде, где продолжает работать над будущим «Словарем». Как вспоминает Мельников-Печерский, Даль составлял «Словарь» не один — у него были помощники, сам Мельников был одним из них. Почти каждый вечер они располагались у Даля, обложившись лексиконами и словниками, старинными книгами, записями Владимира Ивановича, — и несколько часов работали над наилучшим размещением и расположением статей.

Этот поистине гигантский труд был практически окончен к 1863 году. Как

пишет В. И. Порудоминский, количество статей настолько велико, что в течение почти пятидесяти лет своей жизни Даль должен был бы при двенадцатичасовом рабочем дне записывать в словарь одно слово с его однокоренными и производными. А ведь сколько еще Владимир Иванович успел сделать помимо «Словаря»! Его единственное, — но, как отмечает Порудоминский, — далеко не полное Собрание сочинений, вышедшее в 1897—1898 годах, насчитывает 10 томов. Одних только повестей Даль создал сто сорок пять! Кроме сказок, коротких историй для матросского, солдатского и народного чтения, он опубликовал множество статей в периодических изданиях — и большинство из них никогда не переиздавались...

Значительную часть собранных сказок Даль передал А. Н. Афанасьеву. Собранные песни — для издания П. В. Киреевскому. Несомненно, проделанная им за полвека жизни работа была по-настоящему грандиозна.

Между тем «Словарь» был принят научным сообществом далеко не столь восторженно, как принято говорить об этом труде сейчас. В частности, сам Даль должен был отвечать в печати на упреки А. Н. Пыпина в том, что часть слов была им не услышана, а «придуманна». На это замечание, сделанное когда-то Далю, исследователи сейчас отвечают за него.

Пыпин упрекал Даля в том, что не все лексемы содержат пометы — где именно они были услышаны. Как проверить, что они действительно существуют? Даль отвечал: «На кого же я сошлюсь, что слова эти есть, что я их не придумал? На русское ухо, больше ни на кого». И действительно, отмечают исследователи, «русское ухо» не подводило этого выдающегося этнографа и литератора. Собственные слова Даля составляют в его труде около семи процентов. Но тем самым Владимир Иванович продемонстрировал прежде всего возможное богатство языка, — система которого оставалась открыта для формирования новых лексических единиц.

Говоря о последних годах жизни Даля, можно также отметить его участие в исследованиях иноверия и расколов.

В частности, А. А. Панченко практически точно атрибутирует ему авторство одного из документов о разысканиях по поводу еврейских обрядов. В статьях о Дале А. А. Панченко вполне справедливо отмечает, что, признавая заслуги деятелей отечественной культуры, отнюдь не следует их «канонизировать», считая всегда и во всем правыми и непогрешимыми людьми.

Между тем влияние Владимира Ивановича Даля на российскую культуру действительно весьма велико, — и мы часто даже не догадываемся, насколько. Скажем, например, о том, что знаменитая сцена из фильма «Броненосец Потемкин», где матросы видят в мясе червей, до фильма уже почти столетие присутствовала в отечественной литературе — и не где-нибудь, а именно у Казака Луганского в «Сказке о похождениях черта-послушника Сидора Поликарповича» (1832)⁷.

Ну а если мы вернемся к повести Даля «Бедовик», о которой говорилось в начале, то увидим, что ее идеи повторяет и художественно развивает Н. А. Некрасов в «Размышлениях у парадного подъезда»: «Вот парадный подъезд. По торжественным дням, одержимый холопским недугом...». Да и сколько еще ростков замечательных произведений отечественной культуры мы найдем у В. И. Даля...

Сегодня писатели, поэты, ученые, деятели литературы, студенты и преподаватели часто обращаются к знаменитому далевскому «Словарю», к собранным этим неутомимым тружеником сказкам, пословицам, преданиям и верованиям русского народа. Этот «Словарь» — лучший памятник Далю, благодаря таким людям, как он, наш «великий и могучий, правдивый и свободный» язык по-прежнему — «живой как жизнь»...⁸

⁷ «Горох горохом, — отозвался кок за камбузом, — а я в рассоле из-под солонины, ребята, нечего греха таить, наудил нынеча угрей!» («Сказка о похождениях черта-послушника Сидора Поликарповича»).

⁸ «Живой как жизнь» — название книги К. И. Чуковского, посвященной развитию языка и культуры.